

14. Письмо Ю.М.Лотмана – Н.С.Автономовой [23 февраля 1978 года]// Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.469.

15. См. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С.193 – 230.

16. Б.Ф.Егоров Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К.Кантора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 27.

17. Жолковский А.М. Роман Осипович Якобсон (Из немемуарных заметок) [Electronic resource] //http://www-bcf.usc.edu/~alikh/mem/jakob.htm.

18. См.: Иванов Вяч.Вс. О Романах Якобсоне. (Главы из воспоминаний)// «Звезда» 1999, №7. – С. 139-145.

19. См.: Егоров Б.Ф. Ю.М.Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман/ Под. ред. В.К.Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 68.

20. См.: Там же. – С. 57.

Осука Фумикадзу (Япония)

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЭТИКИ В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» А.Ф. ЛОСЕВА

Осука Фумикадзу

профессор Национального университета
Йокогамы, Япония

1. Введение

В 1920-х годах Алексей Федорович Лосев рассуждал по преимуществу о сфере чистого разума и способности суждения по классификации Канта. Например, в книге «Философия имени» (1927) он пишет: «...нашей задачей была тут только теоретическая философия имени, и мы не станем касаться имени как стихии разумно-живой, реально-практической жизни». Но, как он сразу добавил: «хотя и дали обоснование его также и в этой плоскости»¹; в действительности он в значительной степени интересовался и сферой практического разума, хотя он явным образом нигде не говорит об этических вопросах.

Уточняя историю творчества Лосева, в ранний период у него были три больших темы, – античность, язык и эстетика. Как известно, античная философия влияла на его размышления даже сильнее чем современные ему философские течения. А философия имени и эстетики,

можно сказать, результат его синтетических и систематических размышлений по разным областям наук.

Поэтому, его теоретические работы имеют связь с конкретными содержаниями указанных областей, как он пишет: «философия имени есть...и диалектическая классификация возможных форм науки и жизни, что и понятно, раз само имя есть не больше как познанная природа, или жизнь, данная в разуме, разумеваемая природа и жизнь»². Он все время обращал свое внимание на жизнь языка и его конкретное воплощение, что сделало его систему философски насыщенной и содержательной.

Лосев интересовался словом и именем не только в лингвистической и логической сфере, но и в сфере выше указанной «разумно-живой, реально-практической жизни», т.е. в этической сфере. В этом случае под «этикой» разумеется, скорее всего, наука об отношении к другим бытиям. Собственно говоря, проблемы морали или нравственности происходят из некоторых отношений, или точнее сказать, из нашей определенной связи с другими бытиями тогда, когда мы с ними одновременно существуют в одном месте. Главные этические проблемы, например, критерий добра и зла, справедливость или долг не относятся к изолированному, одинокому существованию. Как пишет Лосев, «в слове и имени – *встреча* всех возможных и мыслимых пластов бытия (курсив мой)»³. В этом смысле его философия имени включает в себя этическую сторону, так как она имеет в виду взаимное общение говорящего человека, слова и предмета.

2. Учение смысла и значения Лосева

Теперь рассмотрим учение Лосева о смысле и значении. Оно в принципе состоит из двух частей: 1) смысловая структура (семема, нозма, идея), которая найдена в конкретно произносимом слове с точки зрения говорящего субъекта; 2) энергема, или энергия, которая обозначает «явленную, выраженную сущность»⁴ предмета в слове, и которая «устанавливается ... с точки зрения «объективной» предметности, предметной сущности слова»⁵.

Первая структура содержит в себе разные смысловые моменты. Семема состоит из этимона, морфемы, синтагмы (синтагматический момент), пойемы (выразительный момент, относящийся к стихотворному размеру, рифме и прочим внешним приемам), симболон (символическое единство, которое имеет два вида: первое указывает на индивидуальную картину значения *hic et nunc*; второе – совокупность возможных значений).

Нозма обозначает то, что мыслится в слове, или то, что понимается как предметность слова говорящего человека. Если это понимание было бы только субъективное, то было бы невозможно передать адекватный смысл в коммуникации. Поэтому нозма должна включать в себя не только субъективное понимания предметности слова, но и интерсубъективное. Кроме этих двух моментов, по словам Лосева, «сама нозма указывает на противостояние в слове предметной сущности и воспринимającego эту сущность «субъекта»»⁶. Таким образом, Лосев ввел «предметную сущность» как важный смысловой момент в слове. Потом он ввел понятие «идея», которая характеризуется как «арена этой встречи адекватного понимания с адекватно понимаемым»⁷. Он утверждает, что в слове найдены субъективный, интерсубъективный и даже объективно-предметный моменты.

Но, более того. Если возможна всеобщая коммуникация между любыми говорящими, то смысл слова по существу должен устанавливаться без определенного субъекта, или независимо от никакого субъекта. И потому Лосев утверждает, что предметная сущность слова сама проявляется в слове и сама сознает себя как смысл. Это понятие «энергема». По мнению Лосева, если понимание предмета в слове устанавливается без субъекта, то это понимание должно быть сведено к самосознанию предметной вещи в слове. Конечно, в этом

случае в самосознании вещи есть разные степени: человек может сознать себя, но неодушевленная вещь сознает себя через человеческий ум. Дело в том, что здесь говорящий субъект является только как орган самопознания вещи. Такова структура смысла, независимая от субъектов. С другой стороны, Лосев по-своему попытался установить непосредственную связь слова с указанным предметом.

Его учение может создать впечатление того, что оно носит некую метафизическую или мистическую окраску. Собственно говоря, Лосев здесь имел в виду имяславие, и он сознательно построил философию языка на основе его учения об Имени Божьем. В статье «Анализ религиозного сознания» (1923) он пишет: «Имя Божие и есть наивысшая конкретность, выражающая активную встречу двух энергий, божественной и человеческой. Иисусова молитва, состоящая в призывании Имени Иисуса, и есть то, что совмещает глубочайшую и наиболее интенсивную активность устремления человека к Богу, и в то же время ее единственную цель – сделать человека сосудом имени, т.е. Божественных энергий, так чтобы человек, оставаясь тварью, ничего в себе не имел, кроме Божественных энергий». И потому «имя Божие есть та энергия сущности Божией, которая дается человеку в функции активно-жизненного преобразования его тварного существа»⁸.

На фоне богословского учения П.А.Флоренского и С.Н.Булгакова Лосев искал имя, о которым «подобает спастися нам»⁹. При этом для Лосева «тварь же по существу своему есть Ничто», а «только энергии (Божественной – Осука) и суть истинно сущее ... реальный мир, поэтому, есть разная степень проникнутости «ничто» божественными энергиями, разная степень божественности». По мнению Лосева «только грех и забвение своего происхождения может внушить человеку веру в свои собственные, отдельные от Бога силы»¹⁰. Таким образом, в отношении к имени Божьему человеку требуется скромность. Это важный этический принцип для Лосева.

Однако, с одной стороны, он подчеркивает пассивное отношение к Божественной энергии, с другой стороны частично признает активность жизни человека. «Что же такое жизнь? Жизнь есть, прежде всего, самоощущение, – некое бытие, внутренне переживающее себя самого, бытие-для-

себя». Он утверждает, что надо направлять такую активность к принятию Божественной энергии как источника осмысления бытия. «Жизнь есть организация бытия Божественными энергиями изнутри; Жизнь есть ощущение Божественных энергий в их внутренней сущности; это – ощущение себя самого как просветленного Божественными энергиями»¹¹. Таков источник этики в философии языка Лосева.

3. Сопоставление с мыслью М.М.Бахтина

Введение этичности в сфере языковой деятельности мы можем найти в мысли Бахтина, который был современником Лосева. В своей статье «К философии поступка» (1918-24) Бахтин пишет: «... неслиянно и нераздельно даны и момент пассивности и момент активности: я оказался в бытии (пассивность) и я активно ему причастен; и моменты данности и заданности: моя единственность дана, но в то же время есть лишь постольку, поскольку действительно осуществлена мною как единственность, она всегда в акте, в поступке, т.е. задана; и бытие и долженствование: я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность»¹². Также как и Лосев, Бахтин признает пассивную и активную сторону в человеческом бытии, но он подчеркивает осуществление единственного бытия «я».

И дальше он пишет: «Все содержательно-смысловое: бытие – как некоторая содержательная определенность, ценность – как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей. Изнутри самого смыслового содержания не возможен переход из возможности в единственную действительность». Но, несмотря на такое утверждение важности «моего» поступка, и Бахтин признает, что смысловое бытие принципиально самодовлеющее: «Мир смыслового содержания бесконечен и себе довлеет, его в себе значимость делает меня не нужным, мой поступок для него случаен»¹³. В этом смысле даже у Бахтина человеческое «я» не занимает привилегированную позицию в мире. Человек – эфемерное существо, но Бахтин настаивал на причастности человека к бытию для свидетельства своего существования.

Таким образом, оба философа признают пустоты человеческого бытия, и Лосев подчеркивает полноту Божественной сущности, а Бахтин – полноту мира смыслового содержания.

Однако, сейчас же человек вызывает серьезный глобальный экологический кризис. Тут он оказывает огромное влияние на окружающие бытия, и нам надо найти правильное отношение к ним. Когда Лосев писал «тварь есть ничто», он не мог предположить о наступлении такого времени, но, если он узнал об этом, то сказал бы, что «тварь лучше уничтожить, так как она сначала ничто». И Бахтин не думал бы об ответственности человека в будущем существовании всех других бытий в мире.

Если попробовать дальше развить этическую мысль этих русских философов, то можно прийти к мысли об ответственном месте человека во всех возможных бытиях, и об улучшении их существования как всеобщего сближения к высшим началам. Нам кажется, в таком этическом контексте самая радикальная мысль – всеобщий теозис всех бытий как «разной степени божественностей». С традиционной православной точки зрения, может быть, это мысль самодовольства человека. Но, когда его необдуманная деятельность уже разрушила большую часть природы, человеку не достаточно иметь пассивную скромность. Нужно сказать об активном устроении гармоничной жизни с другими бытиями. Тут, мы можем найти принципиальную основу в русской онтологической мысли. Это – этика ответственности и заботы о гармоническом сосуществовании со всеми бытиями в мире, потенциально наполненными высшими началами.

1. С. 746.
2. Лосев А.Ф., Философия имени. Бытие Имя Космос. М., 1993, С. 796.
3. С. 628.
4. С. 654.
5. С. 657-8.
6. С. 642.
7. С. 645.
8. Лосев, Анализ религиозного сознания. С. 47.
9. Философия имени. С. 677.
10. Анализ религиозного сознания. С. 47.
11. Анализ религиозного сознания // Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997. С. 48.
12. Бахтин М.М., К философии поступка // Собрание сочинений. Т.1, С. 39-40.
13. С. 41.